

Никулина Н. А.
ORCID ID: –

Темплинг В. Я.
ORCID ID: –

Тюмень, Россия
E-mail: nadya-nika2006@yandex.ru

УДК 821.161.1-3
DOI 10.26170/FK19-01-07
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44
ГСНТИ 17.07.25
КОД ВАК 10.01.08

ИНТЕНЦИЯ СЛУЖЕНИЯ «ИСТИНЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ» В ОПЫТЕ МЫСЛИТЕЛЯ-ОДИНОЧКИ ВОЛЬДЕМАРА ШМИДТА

Аннотация. В центре исследования – творческое наследие Вольдемара Александровича Шмидта, оригинального мыслителя из сибирской глубинки. Его судьба – нередкий для времен СССР пример двойного изгнания на периферию социального пространства: сын врага революции, расстрелянного большевиками летом 1921 г., он пережил голод, коллективизацию, репрессии, Великую Отечественную войну с депортацией в Сибирь, принудительные работы в трудармии и долгие годы в местах вынужденного поселения, стал свидетелем распада СССР и смены идеологий, скончался в 2011 году в г. Ишиме Тюменской области. Особенное в его истории – архив эго-документов, содержащих сочинения с особой интенцией служения истине, которая превратила атеиста в верующего, строителя алюминиевого завода в писателя, мыслителя и даже поэта, явившись ему во сне. При этом В. Шмидт, не сомневаясь в справедливости советской формы социального устройства, считал ошибкой отказ людей от идеи божественного мироустройства. В исследовании предлагается результат осмысления факторов, оказавших влияние на личность человека, одержимого продвижением идеи спасения общества, через анализ социальной и культурной среды, механизмов выживания в условиях несвободы.

Ключевые слова: писательские стратегии; литературное творчество; эго-документы.

Nikulina N. A.
Templing V. Ya.
Tyumen, Russia

INTENTION TO SERVE “THE SACROSANCT TRUTH” IN THE EXPERIENCE OF THE THINKER LONE WOLDEMAR SCHMIDT

Abstract. The study focuses on the creative heritage of Woldemar Schmidt, an extraordinary thinker from Siberian province. He experienced a ‘double exile’ to the social periphery, a life-path not untypical for Soviet citizens: his father, being an enemy of the revolution, was executed by firing squad of the Bolsheviks in summer 1921, therefore, living in the back of beyond and isolation was in store for Woldemar. He managed to survive hunger and years of repression, lived through collectivization program, the World War Two, deportation to Siberia, forced labor in NKVD labor columns and years of living in a settlement of internally displaced persons. Woldemar witnessed the collapse of USSR and the change in political ideologies, and he passed away in 2011 in Ishim (Tyumen region). The main feature of his personal history, setting him apart from other Soviet citizens who got the same fate, is the archive of ego-documents. These ego-documents are notable for containing the particular intention to serve truth, which converted an atheist into a believer in God, an aluminum factory worker into a writer, a thinker and even a poet. And it is important to mention that, although Woldemar Schmidt advocated socialism as the most equitable form of social organization, a common renunciation of faith in God seemed to him as a grave mistake. The study defines the main factors have influenced a person, who devoted his life to the idea of salvation of society, through the analysis of social and cultural conditions, survival mechanisms in the terms of isolation and lack of freedom, and the writer's strategies and intentions.

Keywords: writer strategies; literary creativity; ego-documents.

Для цитирования: Никулина, Н. А. Интенция служения «истине чрезвычайной» в опыте мыслителя-одиночки Вольдемара Шмидта / Н. А. Никулина, В. Я. Темплинг // Филологический класс. – 2019. – № 1. – С. 51–57. DOI 10.26170/fk19-01-07.

For citation: Nikulina, N. A. Intention to Serve “The Sacrosanct Truth” in the Experience of the Thinker Lone Woldemar Schmidt / N. A. Nikulina, V. Ya. Templing // Philological Class. – 2019. – № 1. – P. 51–57. DOI 10.26170/fk19-01-07.

С позиции истории и этнографии практика удаления из общества элементов, чье пребывание в коллективе угрожает его стабильности, так же стара, как и само общество. Но если на ранних этапах общественного развития изгнание из группы означало гибель неслышанного, то в цивилизованном мире у такого человека появились другие варианты развития сюжета, позволяющие ему выживать в условиях чуждого мира. На физическом уровне – арест, переселение или ссыл-

ка с возможностью оказаться в социуме себе подобных, эмиграция, а вот метафизические варианты преодоления изгнания вошли в повседневную практику и сохранили актуальность в настоящее время.

В новые времена для человека, попавшего в ситуацию прерывания привычного порядка жизни, утраты прежних социальных и семейных связей, наиболее значимой стала проблема – как остаться самим собой, сохранить свою сущность, т. е. выжить. И в этом смыс-

ле нельзя переоценить значение эго-документов, которые иллюстрируют различные варианты преодоления изгнанничества словом, делом, образом жизни. Так, для одних людей выходом была вера в бога, для других – труд, для третьих – вера в идеалы партии, для четвертых – искусство, в котором находили отражение воспоминания о нормальной человеческой жизни, где было место и любви, и шутке, и эротике [Орлов 2010: 84–85]. В этом направлении всякий индивидуальный опыт выживания обретал и обретает черты типичности, обрастает контекстом и атрибутируется в ряду продуктивных вариантов преодоления прессинга обстоятельств в поисках свободы, желанной формы существования и смысла.

В центре нашего внимания история Вольдемара Александровича Шмидта – мыслителя, немного писателя, поэта и даже композитора, волею судеб попавшего в молодом возрасте в сибирскую провинцию и закончившего земной путь в 2011 году в г. Ишиме. После себя В. А. Шмидт оставил обширный архив, доступная часть которого насчитывает почти сто дел и состоит из автобиографий, переписки, поэтических произведений и религиозно-философских сочинений¹. Часть этого архива была опубликована в 2015 году [Шмидт 2015] в комментированном издании с попыткой реконструкции биографии.

Родился В. А. Шмидт в апреле 1918 г. на Волге, в семье потомков немецких колонистов, уже основательно интегрированных в русское общество, но это обстоятельство не спасло семью от принудительного выселения в Сибирь в 1941 г. Но первое событие, связанное с ситуацией изгнания, относится к 1921 г. и связано с отцом, который хоть и происходил из крестьян, но принадлежал к достаточно обеспеченному слою специалистов, поскольку получил образование в объеме программы реального училища. После службы по контракту в российской армии отец семейства несколько лет трудился в конторе лесопереработчиков на Волге. Летом 1921 г., по приговору Саратовского губернского суда, его расстреляли как главу местного сельского самоуправления, принудительно сформированного властью белых. В силу обстоятельств он оказался вовлеченным во всеобщий конфликт противоборствующих сил, за что поплатился жизнью. Негативные последствия этого события были отчасти компенсированы новой семьей (мать вышла замуж во второй раз), имевшей статус бедняцкой, что позволило Вольдемару получить в сельсовете соответствующую справку, окончить школу, рабфак, некоторое время быть комсомольцем, поступить в медицинский институт. Насколько факт расстрела отца повлиял на судьбу сына, в полной мере судить сложно, но мотив утраты отца войдет во многие его сочинения. Сын расстрелянного врага революции, опираясь на воспоминания домочадцев, будет считать своего отца неким эталоном нравственности. В одной из биографий, созданной в необычном жанре автоинтервью, Шмидт пишет, что «превращает этико-педаго-

гический образ жизни своего отца себе во спасительный», познает сущность мира «на основе образа жизни и действий своих старших, более него нравственных родственников, и отца в первую очередь» [Шмидт 2015, 1: 225]. Но при этом он не доказывает кому-либо его невиновность, объясняя события прошлого рационально: пишет о вине белых, принудивших отца возглавить сельскую пятерку, обвиняет саратовских милиционеров в поспешности исполнения решений суда и т. д. В момент утраты отца Вольдемару было всего три года, но это событие станет частью истории об «истине чрезвычайной», источником переживаний. О типичности такой реакции на утрату пишет А. Эткинд, называя ее «мимическим горем», переживанием, характерным для детей жертв, которые проживают свою жизнь даже после реабилитации предков как потенциальные изгои [Эткинд 2016: 18–19].

В истории В. Шмидта появляются дополнительные обстоятельства, напоминая ему о ситуации чужака: тяжелые материальные условия вынудили Вольдемара прекратить обучение в институте. Он вернулся на родину, в места, где историю его отца и семьи знали и, как оказалось, помнили. Работал учителем химии и биологии в школе села Диттель, затем директором школы соседнего села Ней-Денгоф, где ему и припомнили прошлое. Об обстоятельствах «припоминания» В. Шмидт сообщит кратко в одной из своих автобиографий: его обвинили в том, что он втесался в ряды комсомола, утаив факт службы отца у белогвардейцев [Шмидт 2015, 1: 230–231]. На этом его пребывание в рядах комсомола прекратилось, что в те времена являлось официальным подтверждением обособленности человека в пространстве активного строительства нового общества.

Осенью 1941 г. состоялся второй акт изгнания, который теперь был сопряжен не только с социально-правовыми ограничениями по этническому признаку, но и сопровождался ссылкой, прерыванием привычных связей, трудовой мобилизацией, переместившей людей, огульно обвиненных в пособничестве врагам, в разряд париев даже в заключении. Исторически предопределенное этническое и культурное родство с нацией страны-агрессора, имплицитно акцентированное официальным дискурсом и медийным пространством того времени, манифестировалось в обыденном сознании как безусловное родство с врагом. Непонимание своей вины и обида, неоправдавшиеся надежды на скорое возвращение к прежней жизни – устойчивые мотивы в нарративе депортированных немцев, которые дополнялись тяготами подневольного труда за колючей проволокой.

Прибыв на место выселения (с. Новотравное Ишимского района) в конце сентября 1941 г., Вольдемар Шмидт недолгое время работал учителем химии, биологии и немецкого языка в местной школе, а в январе 1942 г. был мобилизован в трудовую армию и трудился на печально знаменитом строительстве Богословского алюминиевого завода. В конце 1946 г. был комиссован по состоянию здоровья инвалидом 2 группы. Однако весь этот период пребывания в трудармии и работы в школе не нашел отражения в его воспоминаниях, не стал предметом рефлексии, источником творче-

¹ Архив хранится в семье О. В. Рейн, дочери В. А. Шмидта. Часть документов в настоящее время проходит процедуру передачи на государственное хранение, поэтому указать архивные шифры не представляется возможным.

ства, как это было с некоторыми его пишущими ровесниками.

Но именно с 1946 г. начинается новый этап в истории Вольдемара Шмидта. Условным началом этого этапа становится сон. К сожалению, о содержании сна в своих записках автор говорит очень мало. Сон для Вольдемара Александровича стал поворотным пунктом, разделившим его жизнь на две части. Автор записок постоянно акцентирует внимание на последствиях этого сна, точнее говоря, на одном, но фундаментальном выводе, который привел к перевороту в его мировоззрении. Во сне он приобрел «личное знание» о существовании потустороннего мира и о вмешательстве сил этого мира в «психическую жизнь» человека. Это знание он назвал «чрезвычайной истиной». К последствиям сна относится и установление непосредственного «слухоречевого» контакта визионера с силами потустороннего мира, который длился несколько десятилетий. Вхождение в «контакт» не было быстрым, добровольным и безболезненным. Прошло несколько нелегких лет, прежде чем Шмидт, по его словам, «признал себя пораженным», «сдался» и из атеиста с «сугубо земным мировоззрением» превратился в человека «верующего в Бога Всевышнего по-христиански». Годы эти были нелегкими во всех смыслах и отношениях. Сон приснился в 1945 году. В это время Вольдемар Александрович находился еще в трудармии, а результаты сотрудничества и напряженной внутренней работы появляются только во второй половине 1950-х гг. Самые же первые духовные опыты, скудные сведения о которых встречаются в воспоминаниях, были изъяты еще там, в лагере. Дома же нужно было заниматься обустройством быта, кормить семью, непрестанно прирастившую новыми членами.

Ошеломляющие впечатления от сновидения и последующих контактов привели к тому, что бывший атеист, получивший непосредственный опыт и знание о существовании потустороннего мира, становится убежденным верующим человеком. С тех пор Шмидт, как человек познавший истину, считал необходимым свидетельствовать об этом и добиваться от властей и научной общественности признания факта невозможности существования такого явления, как «научный атеизм». Против самого атеизма он не выступает, считая его точно таким же убеждением или верой, которые имеют право на существование.

Убеждение в ненаучности «научного атеизма» побуждает визионера открыто и публично заявлять об этом, обращаться в различные инстанции. Красноречивы адресаты его эпистолий: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС, редакции газет «Правда», «Известия», «Neues Leben», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Аргументы и факты», «Ишимская правда», Президиум АН СССР, Академия медицинских наук. Есть письма, адресованные лично главам государств – Н. С. Хрущеву, Л. И. Брежневу и даже президенту США Дж. Картеру. На протяжении тридцати лет Шмидт пытался добиться от власти публичного признания неправомерности существования и пропаганды «научного атеизма».

Ни беседы с представителями «известных» компетентных органов, ни прессинг через прокуратуру, ни

встречи с медицинскими работниками не смогли повлиять на позицию В. А. Шмидта. Это удивительно, но механизм подавления и преследования противников государственной идеологии в отношении Шмидта не сработал. Он подвергался давлению, но сумел избежать преследований, всю жизнь проработал на должностях среднего руководящего состава – плановик-экономист, заместитель начальника планово-производственной части – и закончил трудовую деятельность в 1986 г. В должности старшего экономиста режимного учреждения. Не подвергался он и публичной травле, как это было, например, с руководителями нелегальных общин лютеран и меннонитов в Тюменской области в 60–70-е годы XX столетия [Эйхельберг 1999: 64–70]. Не привлекался к общественным судам – столь излюбленному в советское время методу воздействия на инакомыслящих. Причины такого мягкого отношения заключались, по-видимому, в том, что В. А. Шмидт не был противником коммунизма и советского государства, искренне полагал, что это идеальная в своем совершенстве форма социального устройства.

Под углом филологических интертекстуальных фантазий эта история могла бы стать своеобразным ремиксом на тему Достоевского [Темплинг, Никулина 2015: 11]. Но «смешной человек» советской формации видит чудесной сон не из ситуации подполья: его внутренний кризис обусловлен обстоятельствами, которые коренятся в ситуации изгнанничества, внешней и внутренней обособленности от общества, до которого автор рукописного архива пытается достучаться на протяжении всей жизни. Вместе с тем чудесный сон стал следствием множества причин, среди которых и психологический надрыв, и интеллектуальный склад человека, позволяющий ему сделать писательство формой выживания.

Вольдемар Шмидт не «человек подполья», он готов быть полезным обществу, не думает о собственной исключительности; живет с опорой на разумное, способен к рефлексии, но в этой рефлексии не сосредоточен на личном «я», а стремится объяснить окружающую жизнь, законы мироустройства. В одной из своих автобиографий он пишет, что стал атеистом в пятнадцать лет не потому, что его учителя были безбожниками, а потому, что обретенные знания из таких наук, как физика, химия и история «вышли победителями в конфликте с его религиозными воззрениями» [Шмидт 2015, 1: 95]. Соответственно, до пятнадцатилетнего возраста Вольдемар Шмидт воспитывался в среде, где важную роль играли религиозные ценности, поэтому и возвращение к ним впоследствии не противоречит сюжету духовного развития человека. При этом следует заметить, что, хотя атеистическое воспитание со стороны государства в 20–30-е гг. XX века осуществлялось системно и повсеместно, в особых случаях социальной изоляции (национальные меньшинства, эмигранты, ссыльные, глухая провинция и т. д.) воспитательный прессинг со стороны богоборческой идеологии был менее эффективным [Записка Отдела пропаганды и агитации... 1979; КПСС в резолюциях... 1971: 502–505].

Обратный переход произошел через восемь лет: «И был я убежденным атеистом до тех пор, пока не получил знания иного качества. Эти знания пришли

в конфликт с моим сугубо атеистическим мировоззрением, и вся стройная система аргументов в его пользу рухнула» [Шмидт 2015, 1: 99]. Таким образом, мы можем говорить о том, что чудесный сон был последовательно подготовлен образом мысли и образом жизни В. А. Шмидта, и не может быть назван случайным, внезапным и в некоторой степени даже чудесным, в той мере, как это представлено у Достоевского. Хотя параллель с героем классика уместна, и тому есть подтверждения. В частности, воспоминания Шмидта о том, как бывшие коллеги за глаза называют его «христосиком» и предлагают распять за излишне добросовестный труд.

На текущем уровне жизни В. А. Шмидт не рефлексировал ни по поводу своей социальной обделенности, ни по поводу несправедливых фактов биографии, ни в отношении возможных последствий своего служения. Он даже уверен в том, что его писательство не повлечет за собой наказание: «Нет, я никогда не был ни антисоветчиком, ни антикоммунистом. Наоборот, я считал и считаю коммунистическое мироустройство любого масштаба высоконравственным, а советскую власть по идее разумной формой государственного управления» [Шмидт 2015, 1: 71].

При этом Шмидт с редким спокойствием относится к возможности быть наказанным, отвергнутым, поскольку именно изгнание открывает перед ним возможность обретения истинного дома. Быть изгнанным – это неизбежность и это возможность приблизиться к дому настоящему. На уровне метафизическом он делает осознанный выбор, который неоднократно проговаривает. Именно осознанность выбора отличает его от многих людей в подобной ситуации. Для него это выбор нравственного порядка – между добром и злом, плюсом и минусом, с вечностью и истиной или без них. Он делает выбор, который в наибольшей степени соответствует его воспитанию и образу жизни. Знание и нравственность – два важных фактора, определившие сюжет В. В. Шмидта. Этот момент он подробно прописывает, пытаясь уберечь своих читателей от ложного выбора.

На первый взгляд, нет ничего удивительного в том, что человек спасается словом. Но слишком велика рефлексия в выборе нужного слова. Называние – это особое дело, которое входит в число основных. Так, несколько страниц рукописи посвящает обоснованию ключевых категорий своей миссии (на страницах 22–23 пишет о том, как сформировалось понятие «законодательство любви», на странице 64 комментирует историю появления значимого для него выражения «истина чрезвычайная»), сам переводит Фауста и Лютера, комментируя выбор слов. Примечательно, что порой история формирования понятия высвечивается как история поиска ответов на заветные вопросы. Слово – это инструмент. И ясность этой позиции – сквозной мотив всех его рукописей: «Но я еще примерно в июле 1946 года утвердился на точке зрения, что коль скоро словарный фонд языка отображает явления реальной действительности, то средствами лексики возможно познание сложных истин» [Шмидт 2015, 1: 70]. Этот аргумент снимает реплики о графоманстве Шмидта. Поскольку это явление иного ряда,

без претензий на литературную славу, в ситуации служения словом.

Знакомство с законами логики по учебным пособиям советской школы добавило В. А. Шмидту убежденности в том, что всякая идея должна быть доказательна и даже научна, а наука предполагает наличие метода. В. А. Шмидт осознанно творит и собственный стиль, и собственную методологию – «методику рассудительного познания словом», представленную в «словокартинах», которые складываются в результате осмысления сновидений, литературы, нравственных законов. В некотором смысле склонность к поиску научных оснований явившейся во сне идеи обусловлена кругом чтения В. Шмидта, на формирование которого оказали влияние и культурные корни (немецкая классика), и советское образование (философия, логика). А знакомство с трудами Лютера указывает на скрытую религиозность в семье ссыльных немцев, которые в условиях атеистического государства не афишировали свои идеалы, но в обыденной практике придерживались необходимых правил и традиций [Руденко 1993].

Главным сочинением В. А. Шмидта становится труд «Законодательство любви», «своеобразный программный документ, в свернутом виде содержащий основные принципы, руководствуясь которыми, как полагал автор, человечество в целом и каждый человек в отдельности смогли бы если и не построить идеальное общество на земле, то организовать жизнь таким образом, чтобы быть достойным перехода в иное бытие» [Барыкин 2015: 183]. Во-первых, труд носит итоговый характер, где обобщаются все основные положения и идеи в наиболее завершенной форме, во-вторых, пишется на протяжении долгого периода времени (более сорока лет), предварительно бытует в двух черновиках, в поэтических текстах и собственно в перечне основных законов, в-третьих, именно этот вариант письменного воплощения его дум и чаяний обретает формат «закона», «законодательства», и был самым автором презентован как некий результат мысли и жизни. В. А. Шмидт дает своему проекту следующее развернутое определение: «Законодательство любви – это в целом и в его деталях логико-лингвистическое отображение по природе вещей законов общечеловеческой жизни земной объективной реальности». За этим весьма замысловатым определением скрывается опыт открытия потустороннего мира и уверенность в личной миссии – убеждать мир в необходимости законов любви: «Люди! Спасайте свои души, поступая соответственно законодательству любви» – этими словами завершается первая часть рукописи, озаглавленной как «Законодательство любви» (окончательный вариант рукописи датирован августом 2005 г.). Соответственно, и главная установка на писательство обусловлена идеей служения и даже спасения общества. Кроме того, Шмидту важно донести «истину чрезвычайную» в наиболее адекватной для восприятия форме. Поэтому своеобразными продолжениями главной работы становятся лирические комментарии, методологические труды и письма.

Лирический комментарий к «Законодательству любви» (к каждому закону – стихотворение) – это отнюдь не претензия на славу поэта, поскольку автор считает поэзию не только самой убедительной формой

воплощения идей, но и в большей степени причастной к потустороннему миру. Неоднократно В. А. Шмидт в своих трудах признается в том, что поэтические строки возникали в его голове раньше идей, являясь толчком для размышления. Вместе с тем мы можем говорить об иллюстративном характере текстов, составивших поэтический комментарий к «Законодательству». Сомнительная литературная ценность стихотворений компенсируется контекстом их интерпретации: в них отражается жизнь, живой опыт людей, порой очень обычный и даже банальный, за которым подтверждение правоты каждого из положений. Возможно, именно так Шмидт пытается перевести на доступный читателю язык умозаключения, в важности которых может усомниться человек, воспитанный в атеизме, далекий от философствований о высоком.

Сообщая миру об открывшейся истине, В. А. Шмидт много и страстно рассказывает о собственной жизни и о жизни своей семьи. Писать о себе для мира – редкая установка для человека, свободного от жажды славы, от иллюзий личного величества. Именно с такой установкой пишет В. А. Шмидт сочинения, номинированные как автобиографии. В архиве семьи хранится несколько автобиографий. Примечательно, что одна из них написана от третьего лица, что придает ей особую завершенность, т. е. художественность.

Для понимания необычной жизни этого человека статьи и письма важны не меньше, чем трактаты или стихи. Примечательно, что письма он писал в течение всей жизни, адресуя их первым лицам государства, академикам, писателям, авторам газетных публикаций и издателям, бережно храня квитанции об отправке этих корреспонденций. Такая аккуратность и даже педантизм В. А. Шмидта в отношении писем и вообще всякого документа, что хранился в его личном архиве, – это не прихоть одиночки-мыслителя, не специфическая черта, отсылающая к национальным корням, а необходимость: он делал это будто бы для отчета перед тем, кто однажды спросит с него за всю жизнь и за главное его дело – помогать людям распознавать законы любви и строить добродетельную жизнь на земле.

Примерно в 1987 г. с В. А. Шмидта снимается обязанность служения чрезвычайной истине, но он продолжает работу над некоторыми рукописями, редактируя их. С чем связан отход от дел? Или с возвращением свободы вероисповедания (мы все помним масштабные мероприятия, связанные с 1000-летием Крещения Руси)? Или со сроком земной жизни... В конце жизни Вольдемар Александрович Шмидт продолжает писать по собственной воле и становится прихожанином Новоапостольской церкви в г. Ишиме. Некоторые поэтические произведения публикуются в лютеранском издании «Der Bote/Вестник».

Рукописный архив Вольдемара Шмидта – это опыт выхода из ситуации изгнанничества через творчество и одновременно служение. Вместе с тем в процессе актуализации и популяризации такие тексты требуют научной контекстуальной дефиниции. Синтетический характер работ Шмидта усложняет решение этой задачи. На первый взгляд, присущий им автобиографизм позволяет ограничиться наименованием «эго-документ», современная расплывчатость которого

не является препятствием для его многовариантного использования. Как известно, термин «эго-документ» впервые был введен в научный оборот профессором Амстердамского университета Жаком Прессером (Jacques Presser) в 1950-х гг. для объединения в одну группу документально-художественных произведений различных жанровых форм (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма), изучением которых он занимался. Спустя тридцать лет термин начинают широко использовать во Франции, в Германии, Великобритании, Польше, России и др. странах. При этом уточнить понятие пытается каждый из исследователей, включающий его в свой инструментарий [Кравцов 2015: 5–19]. Однако чаще всего это понятие акцентирует исследовательское внимание на границе достоверности и вымысла, личного и общего, что в нашем случае характеризует рукописное наследие В. Шмидта сугубо в русле реконструкции биографического сюжета и не инструментально в отношении работ, презентующих «истину чрезвычайную».

Сформировать контекст изучения текстов, подобных сочинениям В. Шмидта, позволяют понятия, обусловленные определением «наивный» в отношении к литературе, творчеству, письму, дискурсу и т. д. Актуальность понятия не вызывает сомнений, поскольку объединяет явления многочисленные и малоизученные. По лаконичному определению С. Ю. Неклюдова, «наивная литература» – это «прозаические и поэтические опусы неумелых людей, подражающих образцам „высокой“ словесности» [Неклюдов 2001: 3]. Такая формулировка не покрывает специфичность сочинений В. Шмидта, но уточнения и примеры исследователей значительно расширяют семантику *наивного* в отношении к образцам нелитературного типа. Речь идет о текстах, созданных непрофессионалами, которые чаще всего и не претендуют на славу великих литераторов, считая свой опыт уникальным по содержанию. Кроме того, одним из значимых признаков «наивной литературы», по мнению С. Ю. Неклюдова, является «специфическая социально ориентированная позиция наивного писателя: эта позиция располагается не в производительной, но в моральной сфере. Он представляет себя в качестве посредника (иногда – медиума в прямом смысле слова) между той социальной группой, чье сознание и опыт он верифицирует, и адресатом (потомки, молодежь, вся мировая общественность и пр.), отношения к которому имеют для автора обязывающий характер» [Неклюдов 2001: 6]. По сути, под определение «наивного творчества» попадают многочисленные тексты, имеющие религиозную, миссионерскую направленность, в том числе и сочинения Шмидта, но полезность возможного контекста размывается под углом оговорок, отсылающих к специфичности письма конкретного пишущего человека. Так, например, основным критерием наивного письма, по мнению исследователей, является несовпадение с литературной нормой [Лурье 2001: 8], но такое несовпадение в случае высокого уровня речевой рефлексии непрофессионального автора может отсутствовать. Более того, В. Шмидт, одержимый идеей доказательства «истины чрезвычайной», не интересовался литературой, был далек от идеи называться писателем или поэтом.

Примечательно, что большинство исследователей, занимающихся анализом частных практик письма, стремятся к описанию специфики текстов и к поиску оригинальных терминов, подчеркивающих эту специфичность. Так, например, М. Ю. Немцев полагает возможным считать рукописное наследие В. Шмидта «образцом «предфилософского» творчества» [Немцев 2016: 67], акцентируя внимание не на различиях между литературой и предлитературой (недолитературой), а различными уровнями философского дискурса.

Определяя причастность конкретного опыта письма к какой-либо традиции, мы не можем довольствоваться самим фактом подбора нужных понятий, процессы типологизации и классификации должны иметь результат, позволяющий выйти к осмыслению глубинных свойств анализируемого текста, работать на цель исследования. А в нашем случае выбор продуктивного контекста может быть обусловлен именно интенцией служения истине через писательство. Но даже такой контекст, напоминая об опытах философского письма в стиле книг Д. Андреева, Л. Гумилёва, Е. Блаватской и др., не кажется исчерпывающим, поскольку писательство В. Шмидта находится не только за пределами литературы, но и философии.

В центре нашей истории – изгнание, а также два главных, сопутствующих ему события – сон и писательство, письмо как форма выживания в ситуации несвободы. И здесь важно напомнить, что изгнание стало толчком к превращению, которое обусловлено не столько специфическими качествами самой личности, сколько процессами внешнего порядка. О характере преобразований, происходящих в советской России, сказано и написано много интересного, напрямую не связанного с ситуацией превращения человека из атеиста в верующего, но мы понимаем, что порой процессы, лишённые внешней религиозности, способны сформировать оптимальные условия для служения, в том числе и служения духовного порядка. Октябрьская революция, как справедливо утверждали совет-

ские идеологи, открыла новую эру, была феноменом неизвестным в прошлом. Все признают, что впервые была совершена революция, ставившая целью не только захват власти, но и создание идеального общества. По сути, как пишет М. Геллер, «на протяжении веков мечта о Новом человеке была связана с Богом – принятие Бога, Божья Благодать делала человека Новорожденным, Совершенным. В девятнадцатом веке мечта трансформируется. Сохраняется желание стать Новым, Совершенным, но воплощая уже не Божий замысел, а Научный Проект» [Геллер 1994: 14]. Именно такой синтез религии и науки составил основу инструментария Вольдемара Шмидта, который оказался нарочито чувствительным к требованиям времени и к архетипичному ядру внешних обстоятельств. Возможно, поэтому писательство В. Шмидта продолжает традицию средневековых видений, с выходом за пределы литературы, с визионерами, контакт с которыми стал началом не устной проповеди, не безумия, а именно письма [Пигин 1997; Ярхо 1989]. Кроме того, идеологи нового государства активно культивировали писательство в среде обычных людей, далеких от профессиональной литературы. Такие примеры продвижения идеи писательства подробно описывает Й. Хелльбек, его интересуют документы, созданные обычными людьми, которых сама система пыталась сделать не только свидетелями грандиозных событий, но и писателями [Хелльбек 2017]. Другое дело, что вдали от громких событий, крупных строек и героев, у человека, живущего в сибирской провинции, материалом для письма становится или он сам, или чудесные видения. В условиях глухой советской провинции Вольдемар Шмидт мог бы стать алкоголиком или социопатом, просто приспособиться к условиям изгнания (обычная история для многих людей с похожей судьбой) и даже размышлять о переезде из зоны дискомфорта (близкие родственники семьи проживают в Германии и с ними ведется активная переписка), но он становится на путь сопротивления – становится человеком, верующим в Бога по-христиански.

ЛИТЕРАТУРА

Барыкин А. В. Рецензия на книгу: Шмидт В. А. В свете личного знания чрезвычайной истины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 3 (30). – С. 182–185.

Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994.

Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. – Т. 6. – С. 516–517.

Кравцов А. Н. Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж, 1949–1974): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015.

Лурье М. Л. О феномене наивного сочинительства [Электронный ресурс] // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. – М., 2001. – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.

Неклюдов С. Ю. Вступительная статья [Электронный ресурс] // «Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. – М., 2001. – Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.

REFERENCES

Barykin A. V. Book Review: Schmidt V. A. In the Light of Personal Knowledge of Extreme Truth // Bulletin of archeology, anthropology and ethnography. – 2015. – № 3 (30). – P. 182–185.

Geller M. Machine and screws. The history of the formation of the Soviet man. – M.: MIK, 1994.

Note of the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU in the Union Republics “On the shortcomings of scientific and atheistic propaganda” // CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. – M., 1971. – V. 6. – P. 516–517.

Kravtsov A. N. Ego-documents of Russian emigration of the twentieth century: on the material of publications of the magazine “Renaissance” (Paris, 1949–1974): dis. ... Candidate of Philology. – M., 2015.

Lurie M. L. About the phenomenon of naive writing [Electronic resource] // “Naive literature”: Studies and texts / compiled by S. Yu. Nekludov. – M., 2001. – Mode of access: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.

Nekludov S. Yu. Introductory article [Electronic resource] // “Naive literature”: Studies and texts / compiled by S. Yu. Nekludov. – M., 2001. – Mode of access: www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm.

Немцев М. Ю. Антропологический смысл философской социализации. Статья вторая // *Идея и идеалы*. – 2016. – № 3 (29), т. 1. – С. 63–68.

Никулина Н. А., Темплинг В. Я. Писательство как служение «истине чрезвычайной»: (опыт конструирования творческой биографии писателя из Сибири) // *Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII / ред.-сост. М. С. Неклюдова, Е. П. Шуилова*. – М.: РГГУ, 2017. – С. 281–295.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высшая школа экономики, 2010. – С. 84–85.

Пигин А. В. Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII–XX вв. // *ТОДРЛ*. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 551–557.

Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения // *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. – М., 1971. – Т. 6. – С. 502–505.

Руденко А. А. Евангельские христиане-баптисты и перестройка в СССР // *На пути к свободе совести*. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 350.

Темплинг В. Я., Никулина Н. А. Дон Кихот от религии Вальдемар Шмидт и его «личное знание чрезвычайной истины» // Шмидт В. А. В свете личного знания чрезвычайной истины: в двух книгах. – Тюмень, 2015. – Кн. I: *Идея. Метод. Жизнь в идее. Делание*. – С. 6–18.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / авторизов. пер. с англ. С. Чичко; науч. ред. А. Щербинок. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.

Шмидт В. А. В свете личного знания чрезвычайной истины: в двух книгах / Институт проблем освоения Севера СО РАН; сост., вступ. слово и коммент. В. Я. Темплинг и Н. А. Никулина. – Тюмень, 2015.

Эйхельберг Е. А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. – Тюмень: Вектор Бук, 1999.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.

Ярхо Б. И. Из книги «Средневековые латинские видения» // *Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – Вып. четвертый.

Nemtsev M. Yu. Anthropological meaning of philosophical socialization. Second Article // *Idea and Ideals*. – 2016. – № 3 (29), v. 1. – P. 63–68.

Nikulina N. A., Templing V. Ya. Writing as a service to “extraordinary truth”: (the experience of designing a creative biography of a writer from Siberia) // *Semiotics of behavior and literary strategies: Lotman readings – XXII / ed. and compiled by M. S. Neklyudova, E. P. Shumilova*. – M.: RSHU, 2017. – P. 281–295.

Orlov I. B. Soviet everyday life: the historical and sociological aspects of formation. – M.: Publishing House of the State University. High School of Economics, 2010. – P. 84–85.

Pigin A. V. Visions of the Otherworld in the Manuscript Tradition of the XVIII–XX centuries // *TODRL*. – SPb., 1997. – V. 50. – P. 551–557.

Resolution of the Central Committee of the CPSU of July 7, 1954 “On major shortcomings in scientific and atheistic propaganda and measures to improve it” // *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. – M., 1971. – V. 6. – P. 502–505.

Rudenko A. A. Evangelical Christians-Baptists and Perestroika in the USSR // *On the way to freedom of conscience*. – M., 1993. – Issue 2. – P. 350.

Templing V. Ya., Nikulina N. A. Don Quixote from the religion of Waldemar Schmidt and his “personal knowledge of extreme truth” // Shmidt V. A. In the light of personal knowledge of extreme truth: in two books. – Tyumen, 2015. – Book I: *Idea. Method. Life in the idea. Doing*. – P. 6–18.

Hellbeck Y. The revolution from the first person: the diaries of the Stalin era / authorized translation from English by S. Chichko; scientific edition by A. Shcherbinok. – M.: New Literary Review, 2017. – 424 p.

Shmidt V. A. In the light of personal knowledge of extreme truth: in two books / Institute of the Problems of Northern Development of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; compilation, foreword and commentary by V. Ya. Templing, N. A. Nikulina. – Tyumen, 2015.

Eyhelberg E. A. Germans in the Tyumen region: history and current situation. – Tyumen: Vector Buk, 1999.

Etkind A. *Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied*. – Stanford, California: Stanford University, 2013.

Yarkho B. I. From the book “Medieval Latin Visions” // *East – West. Research. Translations. Publications*. – M.: Nauka, Main edition of Oriental literature, 1989. – Issue 4.

Данные об авторах

Никулина Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурных коммуникаций, Тюменский индустриальный университет (Тюмень).

Адрес: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.
E-mail: nadya-nika2006@yandex.ru.

Темплинг Владимир Яковлевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социальной антропологии, Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень).

Адрес: 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86.
E-mail: tmpl@mail.ru.

Author's information

Nikulina Nadezhda Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Intercultural Communications, Tyumen Industrial University (Tyumen).

Templing Vladimir Iakovlevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Social Anthropology, Tyumen Research Center SB RAS (Tyumen).